Подружки невесты и друзья жениха все ревели на стороне, делая Янь Вэя еще счастливее. Он подошел к Чжоу Цяоцяо, а затем без колебаний опустился на колени и протянул Чжоу Цяоцяо букет ярко-красных роз, приготовленный Чжэнь Гоанем.

Каждая роза была подобна пламени, лепестки накладывались друг на друга, как тончайший малиновый агат. Такие же страстные и буйные, как нынешняя Чжоу Цяоцяо, она посмотрела на цветы и застенчиво протянула руку, чтобы взять их.

Они обменялись взглядами и понимающими улыбками.

Начиная с их первой встречи и заканчивая пониманием друг друга, влюбленностью, каждой сценой, каждым моментом, они естественным образом сближались. Оказалось, что они уже так много пережили, так много вместе.

Янь Вэй встал и протянул руку, чтобы помочь Чжоу Цяоцяо подняться. Она игриво улыбнулась и вытянула обе ноги — на одной ноге у нее была туфелька на плоской подошве из хрустальной мозаики, в то время как другая нога была босой, пальцы шевелились в прозрачных чулках.

Тень пробежала по глазам Янь Вэй. Цяоцяо беременна — уже три месяца!

Подружка невесты Рен Цин озорно улыбнулась и сказала: “Товарищи, давайте найдем туфельку невесты!”

Улыбка Янь Вэя осталась прежней, и Чжэнь Гоань и его группа лишь огляделись вокруг, не предпринимая отчаянных поисков. Янь Вэй одним взглядом осмотрел всю комнату, определяя общее местоположение обуви.

Он повернулся и посмотрел на Чжоу Синсин, которая тоже сидела у кровати. Чжоу Синсин не была подружкой невесты; она была одета в повседневный свободный красный свитер и черные чулки. Янь Вэй позвал ее: “Синсин”.

Чжоу Синсин повернула голову и посмотрела, выражение ее замешательства поразительно напоминало выражение Чжоу Цяоцяо. Янь Вэй спросил ее: “Тебе нужен компьютер?”

Глаза Чжоу Синсин загорелись. Янь Вэй взглянул на подружку невесты У Синьсянь, которая стояла у стены, и улыбнулся, сказав Чжоу Синсин: «Если ты поможешь мне достать туфли, я куплю тебе компьютер».

Глаза Чжоу Синсин заблестели, но подружки невесты тут же посмотрели на нее с взглядом, говорящим не быть предательницей, и энтузиазм Чжоу Синсин мгновенно угас.

Янь Вэй успокоил ее, сказав: «Все в порядке, я знаю, где туфелька. Она под юбкой дамы у стены. Однако и я, и мои друзья — мужчины, нам было бы нецелесообразно ее доставать. Ты можешь нам помочь?"

У Синьсянь, которая прислонилась к стене, тут же схватила юбку и закричала на Чжоу Синсин: «Синсин, в конце концов, ты сестра Цяоцяо!»

Чжоу Цяоцяо закусила губу, чтобы подавить смех, а Янь Вэй выглядел беспомощным и повернулся к Чжэнь Гоаню. Чжэнь Гоань немедленно вытащил еще одну стопку красных конвертов и начал их раздавать, сказав: «Приходите, дамы, по одному конверту каждой. Укажите нам путь!»

Чжоу Цяоцяо улыбнулась и подмигнула Сюн Ивэнь. Сюн Ивэнь была ошеломлена, открыла конверт и заглянула внутрь.

Черт, это пачка купюр в сто юаней! Не купюры в один юань?

Внезапно Сюн Ивэнь поняла, что имела в виду Чжоу Цяоцяо. Почему они должны были спрятать туфельку невесты после того, как она открыла дверь?

Это было сделано для того, чтобы побудить их увеличить сумму!

Сюн Ивэнь снова смутилась. Эта пачка стоила десять тысяч юаней, а там было две пачки. Это двадцать тысяч юаней, и каждая сигарета стоила тысячу юаней. Она чувствовала, что полностью заслужила это!

Наконец, именно Лян Цзямин поняла позицию Янь Вэя. Тем не менее, она не осмелилась выдвинуть возмутительное требование. Она неуверенно предложила: “Нет, нет, давайте каждый добавит еще по тридцать тысяч, и мы соберем пятьдесят тысяч. Так будет намного удачнее!”

“Черт возьми, вы наконец-то выдвигаете возмутительное требование. На этот раз оно одобрено!” Чжэнь Гоань ждал, когда они что-нибудь предложат! Когда Сюн Ивэнь упомянула тысячу, это действительно поставило его в затруднительное положение; он не приготовил красный конверт стоимостью в тысячу юаней!

В любом случае, в одном красном конверте было десять тысяч юаней, и поскольку каждый человек получал по одному у двери, это было в самый раз. Он уже приготовил достаточно для тех, кто охранял комнату невесты. Даже если бы они потребовали сто тысяч, он все равно мог бы их предоставить. Однако друзья невесты были достаточно вежливы; независимо от того, сколько они просили, он отдавал один конверт.

“Если вы не удовлетворены, я добавлю еще. Если вы не удовлетворены, я добавлю еще”. Тем не менее, люди, охранявшие комнату невесты, были все еще довольно вежливы и приняли только один конверт, чтобы открыть дверь.

Когда Лян Цзямин сделала свое предложение, Чжэнь Гоань почувствовал: “Вау, наконец-то кто-то предъявляет возмутительное требование. Поторопись и сделай”. Итак, Чжэнь Гоань сказал: “Как мы можем согласиться на пятьдесят тысяч? Пусть будет шестьдесят тысяч”.

Кстати говоря, Янь Вэй потратил несколько сотен тысяч, чтобы выкупить хрустальные туфельки обратно.

Итак, подружки невесты в комнате были ошарашены. Что делать? Они держали в руках шесть больших красных конвертов, не имея намерения сопровождать невесту. Теперь их умы были сосредоточены на сохранение денег.

Люди у дверей ничем не отличались. Чжоу Инцзе был прямо ошеломлен. Черт возьми, неужели мой зять настолько богат?

Руки бабушки Чжоу дрожали, когда она пыталась что-то сказать, но она не знала, что сказать. В конце концов, все, что она смогла выдавить, было: “Почему в их красных конвертах больше денег, чем в наших?”

Когда Янь Вэй и его группа вошли, они раздали красные конверты всем, включая детей.

Сначала бабушка Чжоу подумала, что у этого жениха хорошее чувство приличия, хотя их отношения с Чжоу Цяоцяо не были хорошими. Однако этот жених должным образом следовал обычаям.

Однако, когда один из ее правнуков открыл красный конверт и обнаружил внутри десять тысяч юаней, бабушка Чжоу задрожала и подумала, что обычаи в родном городе жениха были поистине экстравагантными!

Глядя на то, как он сейчас раздавал деньги подружкам невесты, ну что ж... это было не просто проявлением щедрости; это был признак настоящего богатства, не так ли?

Независимо от того, насколько тихо было в комнате, Янь Вэй не обращал внимания. Его первоначальным намерением было показать Чжоу Цяоцяо лицо, и он сделал это в достаточной степени. Хотя такое поведение заставляло его чувствовать себя нуворишем, это не имело значения. Это прямое действие оказало самое прямое устрашающее воздействие на присутствующих людей.

Янь Вэй взял туфельку, которую передала У Синьсянь. Он присел на корточки и нежно взял ногу Чжоу Цяоцяо. Она была такой приятной в его руках. Янь Вэй игриво ущипнул ее за ногу, заставив Чжоу Цяоцяо расхохотаться.

Он посмотрел на нее снизу вверх, тоже рассмеялся, а затем помог ей надеть туфли.

Янь Вэй встал и, взяв Чжоу Цяоцяо за руку, вывел ее из комнаты. Лин Мэйсу неловко улыбнулась молодоженам, и Янь Вэй ответил на этот жест. Он повернулся к Чжоу Инцзе и сказал: “Папа, мы с Цяоцяо угощаем вас чаем”.

Чжоу Инцзе какое-то время тупо смотрел на него, затем воскликнула: “Ах!” - и быстро сел на диван. Лин Мэйсу не последовала за ним, чтобы сесть; сложности между ней и Чжоу Цяоцяо нельзя было объяснить всего в нескольких словах.

Кроме того, Лин Мэйсу чувствовала, что она тоже плохо относилась к Чжоу Цяоцяо.

Поэтому она не стала приближаться к ним, чтобы избежать какой-либо неловкости. Вместо этого она повернулась и схватила Чжоу Синсин, говоря: “Куда ты убегаешь?”

Чжоу Синсин ухмыльнулась, а Лин Мэйсу сказала: “Быстро отдавай деньги”.

“Ты должна отдавать мне все, что получишь, верно?” Чжоу Синсин крепко сжала свои шесть больших красных конвертов.

Лин Мэйсу не хотела спорить со своей дочерью. Она отругала: “Я говорю, нормально, когда ты получила всего тысячу, как ты можешь иметь шестьдесят тысяч? В таком юном возрасте тебе нужна взбучка?”

Конечно, это был типичный разговор между матерью и дочерью.

Тем временем Чжоу Инцзе сел на диван, и кто-то принес две подушки, чтобы положить их на пол. Янь Вэй и Чжоу Цяоцяо подошли и опустились на колени. Они взяли чай, переданный другими.

Янь Вэй взял чашку с чаем и посмотрел на Чжоу Инцзе. Он искренне сказал: “Папа, мы с Цяоцяо предлагаем вам этот чай. Мы желаем вам крепкого здоровья, счастья и благополучия”.

Камера точно зафиксировала Янь Вэя в этот момент. Его серьезное и ответственное поведение показало, что он был квалифицированным женихом.

Чжоу Инцзе протянул руку, сделал глоток чая, затем взял чашку Чжоу Цяоцяо и тоже сделал глоток. Он не стал дожидаться, пока Чжоу Цяоцяо что-нибудь скажет; он знал, что она этого не сделает.

Допив чай, Чжоу Инцзе поставил чайные чашки обратно на стол в гостиной. Он взглянул на двоих, стоявших перед ним на коленях. По правде говоря, из троих детей Чжоу Цяоцяо походила на него больше всего.

Ее макияж, то, как она уложила волосы, и ее слегка поджатые губы. На самом деле, в ней все еще были следы ее детства. Когда они хорошо ладили, Чжоу Цяоцяо выглядела именно так.

Чжоу Инцзе почувствовал, как его глаза немного увлажнились. Брак для женщины означал вступление в новую семью и начало новой жизни.

Он встретил, узнал и влюбился в Бай Шулан, и их брак был гармоничным.

Тогда, какая молодая девушка в деревне не завидовала удаче Бай Шулан? Люди говорили, что даже если бы Бай Шулан осталась в городе, она, возможно, не нашла бы такого хорошего мужчину, как Чжоу Инцзе.

Чжоу Инцзе тоже был вполне доволен. Когда они узнали, что Бай Шулан беременна, они оба были в восторге.

В то время ежемесячные проверки на беременность были редкостью. Только после того, как у Бай Шулан оказались тяжелые роды, ее отвезли в больницу.

Когда Чжоу Цяоцяо родилась, она была всего лишь крошечным комочком. Он видел ее лишь мельком, когда доктор отнес ее в детскую.

Смотрите, это их с Шулан ребенок, такой очаровательный! Просто немного худенькая, ей следует больше есть в будущем.

Когда его и Бай Шулан выписали из больницы, они не смогли взять Чжоу Цяоцяо с собой. Однако их любовь к ней никогда не уменьшалась.

Несмотря на то, что отделение интенсивной терапии было дорогим, даже в те времена, когда многие тайно топили новорожденных девочек, он потратил много денег и времени, чтобы спасти свою дочь! Несмотря на ее юный возраст, он был огорчен тем, что ей приходилось терпеть такую боль.

Тогда он никогда не заботился о деньгах.

Когда все изменилось?

В первый раз, когда Чжоу Цяоцяо перевернулась, он и Бай Шулан были так взволнованы, что кружили вокруг нее в течение получаса.

Когда она впервые села, он чуть не расплакался от радости.

Когда у нее прорезались зубки и поднялась температура, он не спал всю ночь.

Когда она начала ходить, держась за вещи, он столкнулся с неудачами в карьере, но его больше беспокоило, что она на что-то натыкается.

В его беднейшие времена они втроем жили в съемной квартире площадью 20 квадратных метров. Студенческий стол в коридоре служил им кухней. Они ели самую дешевую лапшу, но прожили самые счастливые дни.

Чжоу Инцзе дважды открыл рот и почти не мог говорить.

“Гм.” - промямлил Чжоу Инцзе, затем продолжил: “Раньше я с нетерпением ждал, когда она вырастет, надеясь, что по мере взросления она станет разумной. Но в мгновение ока она повзрослела, и отныне она больше не просто мой ребенок”.

Увидев, как Чжоу Цяоцяо склонила голову, он вздохнул и, повернувшись к Янь Вэю, сказал: “Ты хороший ребенок. Начиная с сегодняшнего дня, ты должен взять на себя ответственность за эту семью. Брак - это большая ответственность, и между реальностью и идеалами могут быть различия. То, что может поддерживать отношения до конца, - это не просто любовь между вами, но превращение в семейные узы. Речь идет не просто об обещаниях; речь идет о терпимости, понимании, ответственности и ... отдаче”.

Когда он сказал это, болтовня в гостиной постепенно стихла. Чжоу Инцзе вытер глаза своими пухлыми руками, и никто не знал, потекли слезы или нет. Он сказал: “Не будь таким, как я”.

Чжоу Цяоцяо внезапно подняла на него глаза. Чжоу Инцзе горько улыбнулся и сказал: “Я знаю, в будущем у тебя будет много работы, но находи время почаще возвращаться”.

Это был первый раз, когда Чжоу Инцзе признал, что был неправ, и никто не знал, какое внутреннее смятение испытывала Чжоу Цяоцяо.

Янь Вэй кивнул: “Я буду, я позабочусь о ней и сделаю ее, ребенка счастливым. Спасибо вам, папа, спасибо вам за то, что произвели ее на свет, спасибо вам за то, что вырастили ее”.

Чжоу Инцзе вручил каждому из них по два красных конверта, толстые пачки, которые указывали на то, что теперь они дают по 10 000 юаней каждому, о чем свидетельствовало изменение толщины конверта.

Янь Вэй и Чжоу Цяоцяо приняли красные конверты и передали их Лян Цзямин, которая была рядом с ними. Лян Цзямин взяла их и положила в сумку, которую несла через плечо.

Вручив красные конверты, Чжоу Инцзе достал кольцо из чистого золота и отдал его Янь Вэю. Янь Вэй взял его, и Чжоу Цяоцяо помогла ему надеть его. Затем Чжоу Инцзе, страдающий из-за своего ожирения, встал и протянул руку, чтобы поддержать их обоих.

Другие родственники также собрались вокруг. Бабушка Чжоу приготовила золотое ожерелье, не такое яркое, как то, что Чжоу Инцзе приготовил для Чжоу Цяоцяо, но более изящное. К счастью, кулон, который она выбрала, был красивым, подходящим для ношения по разным поводам.

Другие дяди и тети приготовили подарки, которые были более типичными – маленькие кольца или браслеты. Вскоре Чжоу Цяоцяо была украшена с роскошным видом.

Время пришло. Янь Вэй увел Чжоу Цяоцяо прочь, за ним последовал Чжоу Инцзе. Толпа людей сопровождала Чжоу Цяоцяо вниз по лестнице, и когда они вышли на улицу, Чжоу Инцзе

раскрыл приготовленный им красный зонтик и поднял его над головой Чжоу Цяоцяо.

Отсюда до свадебного автомобиля Чжоу Инцзе должен был сопровождать ее всю дорогу. С этого момента он передаст ее другому мужчине.

Чжоу Инцзе и Чжоу Цяоцяо вышли из ворот, держа над собой зонт, и в этот самый момент взорвались петарды. Оглушительный треск петард наполнил воздух, а впереди ждала вереница красных автомобилей во главе со свадебным кортежем.

Чжоу Инцзе нахмурился, глядя на ряд машин. О нет, все они были спортивными, и их было больше десяти. В сообществе собралась толпа, чтобы посмотреть, и молодые люди достали свои телефоны, чтобы сделать фотографии и видео.

Чжоу Инцзе уже собирался попросить людей расступиться, когда среди шума фейерверков услышал голос Чжоу Цяоцяо: “Лапша … действительно вкусная”.

Чжоу Инцзе повернул голову, совершенно озадаченный, и посмотрел на Чжоу Цяоцяо. Однако Чжоу Цяоцяо просто смотрела вперед, идя с безмолвным выражением лица.

Но Чжоу Инцзе знал, Чжоу Цяоцяо только что заговорила.

Услышав, что прибыла невеста, толпа расступилась, и спортивный автомобиль, ехавший впереди, произвел особое впечатление. Его ярко-красный цвет был не просто юношеским, он также бросался в глаза.

Среди зрителей кто-то сказал: “Это LeFerrari, выпущенный ограниченным тиражом по всему миру”.

Чжоу Цяоцяо подняла глаза, когда услышала это, взглянув на говорившего мужчину. Это был мужчина лет 40-50, и когда он увидел Чжоу Инцзе, он даже крикнул ему: “Старина Чжоу, мой сын говорит, что машина твоего зятя стоит 60 миллионов!”

Толпа внезапно загудела от разговоров и дискуссий.

Выражение лица Чжоу Инцзе стало деревянным, и он вздохнул, сказав: “Мой зять действительно нечто”. Хотя я не уверен, что делает его таким особенным?

Завистливый мужчина взглянул на Янь Вэя, думая про себя: “Как и ожидалось, отличается. Видите ли, среди людей некоторые люди излучают особую ауру, где бы они ни стояли. Люди вокруг Янь Вэя и сам Янь Вэй выделяются в этом плане”.

Он был похож на журавля, который выделяется среди кур, уникальный и привлекающий внимание.

Шафер Янь Вэя открыл дверцу машины, и Янь Вэй помог Чжоу Цяоцяо сесть первой, прежде чем повернуться к Лян Цзямин и сказать: “Ты сядешь на переднее пассажирское сиденье!”

Мао Лян был водителем, и Лян Цзямин с радостью согласилась, взяв свою сумку и собираясь сесть на переднее пассажирское сиденье.

Янь Вэй повернулся к Чжоу Инцзе и спросил: “Папа, вы хотели бы пойти с нами?”

Чжоу Инцзе на мгновение растерялся, а Янь Вэй улыбнулся и сказал: “На самом деле у нас с Цяоцяо запоздалая свадебная церемония, не очень официальная. Свадьба - это веселье, пока

она счастлива. Кроме того, мы все семья, и не имеет значения, где мы проводим празднование".

Чжоу Инцзе на мгновение опешил, затем подумал о своей матери и жене. В конце концов он махнул рукой, сказав: "Забудь об этом, я забронировал ресторан через дорогу. Приглашения также написаны для этого ресторана. Мне тоже нужно обслуживать гостей, так что я не пойду".

Янь Вэй улыбнулся, не настаивая дальше, и сказал: "Если папа захочет приехать, вы можете связаться со мной в любое время. Я забронировал там два ресторана, и у нас достаточно места. Что касается приглашений, вы можете дать мне список гостей, и я уведомлю их одного за другим."

Чжоу Инцзе горько улыбнулся, покачал головой и сказал: "Цяоцяо не захотела бы меня видеть".

Янь Вэй понимающе улыбнулся и только сказал: "Это так? В любом случае, решите сами. Я пойду своей дорогой".

Затем он сел в машину и уехал. Чжоу Инцзе наблюдал, как колонна отъезжает под звуки петард, и внезапно разразился смехом.

На самом деле, если бы Янь Вэй искренне хотел пригласить их, даже если бы он попросил всего на день раньше, у него было бы время. Его решение сегодня, в этот момент, было просто вызвано замечанием Чжоу Цяоцяо, сделанным по дороге: "Лапша вкусная".

Дело было не в прощении или великодушии.

Но этой простой фразы было достаточно, чтобы Янь Вэй понял, что, по крайней мере, в этот день Чжоу Цяоцяо отпустила прошлое. Что касается того, что ждет его в будущем, это было неопределенно. Может быть, они оставили бы позади свою историю, а может быть, они больше не встретились бы.

Наблюдая за удаляющимся кортежем, Чжоу Инцзе обернулся и сказал Лин Мэйсу и остальным: "Давайте вернемся и наведем порядок. Нам все еще нужно развлекать гостей через дорогу сегодня вечером".

Лин Мэйсу ухмыльнулась, думая, что он наивен. Только что Янь Вэй напрямую согласился, нужно было воспользоваться шансом зацепиться за него.

Даже тот, кто ничего не смыслит в автомобилях, мог бы сказать, что свадебный автомобиль Янь Вэя, спортивный автомобиль, был очень дорогим. Автомобили - это расходный материал, их стоимость падает после покупки. Но если бы Янь Вэй купил свой свадебный автомобиль, а затем перепродал его, он мог бы зарабатывать деньги, даже лежа.

Спортивные автомобили, стоявшие за Янь Вэем, были еще более ценными; каждый из них привлекал внимание людей.

Чжоу Цяоцяо села в спортивный автомобиль, осмотрела салон и спросила его: "Янь Вэй! Сколько ты потратил на этот автомобиль?"

Янь Вэй сказал: “Я женюсь; я не могу просто одолжить машину, не так ли?”

Поскольку у богатых и обычных людей разные привычки тратить, Чжоу Цяоцяо не требовала строго, чтобы Янь Вэй следовал ее желаниям. Янь Вэй раздраженно сказал: “Была еще лучшая модель, немного дороже этой, но она не была красной”.

Янь Вэй прищелкнул языком, явно раздраженный тем фактом, что он был доволен выбором, у него были деньги, но его не было на складе.

Лян Цзямин, сидевшая на переднем пассажирском сиденье, помогла Чжоу Цяоцяо пересчитать красные конверты, затем спросила: “Цяоцяо, разве твоя тетя не дала тебе красный конверт?”

Лян Цзямин посмотрела и сказала: “Надеюсь, я их не потеряла? Если это так, я верну тебе деньги. Сегодня я получила 60 000. Хахаха …”

Чжоу Цяоцяо тоже расхохоталась: “Хахаха…”

Янь Вэй: “…”

Мао Лян: “…”

Машина быстро прибыла к отелю, который выбрал Янь Вэй, прямо через дорогу от того, который выбрал Чжэнь Гоань, "Дао Синь". Два отеля разделяла только дорога.

Колонна остановилась перед отелем, и проходящие мимо пешеходы были поражены и достали свои телефоны, чтобы сфотографировать.

Янь Вэй открыл дверцу машины и по-джентльменски встал рядом с машиной, ожидая Чжоу Цяоцяо. Поскольку было холодно, свадебное платье Чжоу Цяоцяо было прикрыто белой норковой шубой, которую приготовил для нее Янь Вэй. Она очень хорошо подходила к платью. Подружки невесты сзади быстро помогли придержать ее длинный шлейф, и таким образом группа вошла в отель.

Отель был зарезервирован исключительно для этого случая, и вход был украшен свадебными фотографиями Чжоу Цяоцяо и Янь Вэя. Приветливый персонал дежурил там весь день, следя за тем, чтобы каждый гость чувствовал себя удовлетворенным во время свадьбы.

Семья Бай, включая Бай Шурена и других, уже прибыла, приехав прямо в отель по указанному адресу. Прием и приготовления прошли гладко; были распределены номера и выданы ключи. Ничего не нужно было платить, что делало все очень удобным.

В это время Бай Шурен, Бай Шуйи и Бай Шуя из семьи Бай, уже были в гостевой зоне на первом этаже, потягивая чай и болтая. Они увидели подъезжающий снаружи кортеж.

Сын Бай Шурэна, Бай Чжунцзе, обнял своего 2-летнего сына Бай Цзыхуэя и крикнул: “Папа, они здесь”.

Затем он воскликнул: “Вау, папа, этот конвой действительно впечатляющий!”

Бай Шурен обернулся посмотреть; он не очень разбирался в машинах, поэтому просто увидел колонну красных свадебных автомобилей и кивнул, сказав: “Это довольно эффектно, красное и праздничное, красное - это хорошо, красное - это хорошо”.

Бай Чжунцзе безмолвно сказал: “Нет, папа, я не говорю, что оно хорошее, потому что оно красное”.

Без объяснений Бай Чжунцзе они увидели множество людей, выходящих из машин снаружи, привлекая толпу зевак. Бай Шурен и Бай Шуйи встали, чтобы поприветствовать Чжоу Цяоцяо, когда увидели ее в свадебном платье. По совпадению, их пути пересеклись с Янь Вэем и его спутниками, которые окружали Чжоу Цяоцяо, когда они вошли.

“Поздравляю, Цяоцяо”. Бай Шурен тепло улыбнулся и подошел.

Чжоу Цяоцяо покраснела и назвала его “Дядя”, затем посмотрела на двух человек позади него и сказала: “Младший дядя, младшая тетя”.

Трое взрослых с удовлетворением посмотрели на Чжоу Цяоцяо. В конце концов, они наблюдали, как она росла. Теперь, когда девушка выходила замуж, они были еще счастливее видеть ее с хорошим мужем. После стольких трудностей их страдания наконец окупились, и это можно считать удачей этого ребенка.

Конечно, семья Бай также приготовила подарки. В соответствии с традицией, они преподнесли золото, которое было самым ценным выбором. Бай Шурэн, Бай Шуйи и Бай Шуя приготовили ценные золотые украшения для Чжоу Цяоцяо в качестве ее приданого.

После недолгого пребывания в вестибюле им пришлось поторопиться из-за благоприятного времени, поэтому Янь Вэй повел Чжоу Цяоцяо в их новую комнату.

Отель подготовил номер в качестве комнаты невесты. Они выбрали тот, которым Янь Вэй пользовался долгое время, и это был самый роскошный президентский люкс в отеле.

Янь Вэй помог Чжоу Цяоцяо войти в лифт, и они поднялись прямо на верхний этаж. С верхнего этажа открывался хороший вид и была просторная зона. Большинство гостей не поднимались туда, чтобы это не мешало остальным уважаемым гостям в первоклассном президентском люксе.

Поэтому в большинстве случаев президентский люкс располагался на верхнем этаже.

Когда Янь Вэй привел Чжоу Цяоцяо, дверь новой комнаты была уже закрыта, и Янь Вэй беспомощно посмотрел на Чжэнь Гоаня.

Те, кто закрыл дверь, были из семьи Янь. К счастью, Янь Ифэй, вероятно, хорошо проинструктировал их, поскольку они не предъявляли непомерных требований. Примерно через десять минут вопрос был улажен, и дверь была открыта.

Размер президентского люкса был достаточно велик, чтобы вместить всех присутствующих. Родители Янь Вэя, Янь Ифэй и Мао Цзинхуа, изначально последовали за Янь Вэем. Они вошли в номер и увидели, что он празднично украшен персоналом отеля. Кровать была покрыта слоем лепестков роз, создавая очень романтическую атмосферу.

Янь Ифэй со сложными эмоциями оглядел все в комнате, затем последовал за Мао Цзинхуа к креслам в гостиной. Янь Вэй привел Чжоу Цяоцяо, чтобы предложить им чай. Было неясно, было ли это из-за того, что сила, которую Янь Вэй продемонстрировал ранее, была слишком подавляющей, но Янь Ифэй почти не сказал ни слова на протяжении всего процесса и просто вручил им красный конверт с деньгами. Мао Цзинхуа хотела сказать больше, но она не знала, что сказать. Она могла дать только несколько указаний, а затем позволить им встать.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

http://tl.rulate.ru/book/96300/3323594